ВОЛЫНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

11 Августа № 23 1884 года.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА

О ДУБЕНСКОЙ КРЕСТОВОЗДВИЖЕНСКОЙ ПУСТЫНИ.

(Къ исторіи православія на Волыни).

Дубенская Крестовоздвиженская пустынь лежитъ вблизи,—въ разстояніи не болѣе версты,—города Дубно, Волынской губерніи, на западной сторонѣ города, отдѣляясь отъ него полосою земли, занимаемою въ настоящее время р.-католическимъ женскимъ монастыремъ Кармелитокъ. Пустынь эта расположена на островѣ, называемомъ, по имени самой пустыни, Крестовоздвиженскимъ,—окруженномъ съ трехъ сторонъ водою и болотами, поросшими густымъ и высокимъ тростникомъ, а съ четвертой—посредствомъ плотины и устроеннаго на ней моста соединенномъ съ вышеупомянутою полосою земли кармелитокъ и чрезъ нее—съ самымъ городомъ и прилегающими къ нему окрестностями. Поэтому,—не будь этого моста или запрети кармелитки проѣздъ чрезъ свою землю,—сухопутное общеніе пустыни съ городомъ становится положительно невозможнымъ. Расположенная позади католическаго монастыря кармелитокъ, постройки котораго, сравнительно съ строеніями пустыни, можно сказать, отличаются даже нѣкоторою грандіозностью,

Крестовоздвиженская пустынь, естественно, становится доступною взору путника лишь тогда, когда онъ, проѣхавши городъ по направленію къ западу, а затѣмъ и ворота кармелитскаго монастыря, выѣдетъ уже за предѣлы заднихъ построекъ послѣдняго. Взору его открываются тогда, съ лѣвой стороны, огороды католическаго монастыря, а съ правой—рѣка Иква, съ поросшими густымъ и высокимъ тростникомъ берегами. Направляя отсюда взоръ впередъ, путникъ видитъ не вдалекѣ передъ собою какъ бы скучившуюся въ тѣсномъ мѣстечкѣ группу деревьевъ, нѣчто въ родѣ рощицы, изъ средины которой выдается небольшая церковь съ прилежащею къ ней колокольнею. Это и есть та пустынь, о которой идетъ рѣчь. Продолжая путь по направленію къ этой кажущейся рощицѣ, вы подъѣзжаете къ небольшимъ деревяннымъ воротамъ, за которыми тянется довольно длинная плотина, обсаженная съ обѣихъ сторонъ деревьями, а за ними—болота. По проѣздѣ чрезъ этотъ мостъ, стоящій на болотѣ, вы вступаете уже на твердую почву, площадь которой по окраинамъ также обрамлена деревьями, а въ срединѣ застроена различными зданіями; при этомъ площадь эта, начинаясь отъ моста довольно узкою оконечностью, къ центру своему все болѣе и болѣе расширяется. Изъ построекъ, ближайшихъ къ мосту вы видите прежде всего вновь строющійся (1) каменный храмъ, распланированный на значительно широкомъ основаніи, а влѣво отъ него, на разстояніи сажень пятнадцати,—и ту церковь, которая видна была еще издали—церковь въ объемѣ своемъ весьма небольшую, деревянную, окрашенную свѣтло-желтою кра-

(1) Закладка сего храма послѣдовала 1-го Іюля сего 1884 г. и совершена, при подобающемъ сему случаю духовномъ торжествѣ, Высокопреосвященнѣйшимъ Тихономъ, архіеп. Волынскимъ и Житомірскимъ. Храмъ сей строится не на собственныя средства пустыни, ибо сокровищницы ея пусты, а на пожертвованія благотворителей, живущихъ въ различныхъ мѣстахъ широкой православной Руси.

скую и крытую окрашеннымъ зеленой краскою желѣзомъ, около южной стороны этой церкви расположено небольшое кладбище съ приличными памятниками, а за сѣверной стороной тянется пространство, покрытое рѣдкими и невысокими фруктовыми деревцами, огороженное отъ дороги деревяннымъ заборомъ и, очевидно, бывшее когда-то садомъ. На концѣ этого пространства, какъ-разъ противъ деревянной церкви, вы видите одноэтажный деревянный домъ: здѣсь живетъ монастырская братія; за этимъ домомъ, дальше, расположены уже хозяйственныя необходимыя монастырскія службы—сарай, конюшни и проч. Всѣ указанныя зданія находятся преимущественно въ центральной части площади; на боковыхъ же сторонахъ ея, вплоть до самаго болота, по большей части расположены огороды монастыря. Идя далѣе, оставивши позади себя всѣ монастырскія постройки, вы уже видите и конецъ всей пройденной вами площади, причемъ замѣчаете, что послѣдняя чѣмъ ближе къ концу, тѣмъ болѣе съуживается, а на самомъ концѣ почти острымъ мысомъ вдается въ болото. Обозрѣвая отсюда мѣстоположеніе монастыря, вы уже ясно различаете, что вся эта мѣстность есть не что иное, какъ небольшой продолговатый островокъ, окруженный водою и болотами,—въ срединѣ своей нѣсколько разширяющійся, а на концахъ съуженный; такъ что, если бы изобразить на картѣ фигуру этого островка, онъ удачно могъ бы быть представленъ въ формѣ ладьи, боковыя стороны которой въ центрѣ выпуклы, а на концахъ соединены чуть не подъ острымъ угломъ. Таково мѣстоположеніе и таковъ наружный видъ Дубенской Крестовоздвиженской, что на островѣ, пустыни.

Уже отсюда можно видѣть, что Дубенская Крестовоздвиженская обитель, въ ея современномъ видѣ, ничѣмъ, повидимому, не можетъ возбуждать интереса и вниманія къ себѣ: пріютилась она на маленькомъ островкѣ, окруженномъ болотами,—отъ города она какъ-бы совсѣмъ изолирована, постройки ея уже со-

всѣмъ скромны, чтобъ не сказать—бѣдны; словомъ—это, по первому же впечатлѣнію, самый заурядный, довольно бѣдный монастырь, безвѣстность котораго является, повидимому, дѣломъ вполнѣ понятнымъ, но,—прибавимъ мы къ этому,—дѣломъ незаслуженнымъ и исторически незаконнымъ.

Дубенская Крестовоздвиженская пустынь обращаетъ на себя сочувственное вниманіе, возбуждаетъ глубокій интересъ изслѣдованія не настоящимъ своимъ, а прошлымъ,—не тѣмъ, что̀ она есть въ своемъ настоящемъ видѣ и современномъ положеніи, а тѣмъ, что̀ она была прежде и чѣмъ могла бы быть и должна бы быть даже и въ настоящее время, если бы, какъ мы увидимъ ниже, особыя историческія обстоятельства и условія ея положенія не повергли ее, такъ сказать, въ видимость ничтожества. Показать исторически—прошлое этой пустыни и сравнить его съ ея настоящимъ, уяснивши при этомъ и тотъ путь, который привелъ ее къ такому настоящему,—вотъ въ чемъ задача этой исторической записки о Дубенской Крестовоздвиженской пустыни.

Начиная обозрѣніе исторически-прошлаго Дубенскаго Крестовоздвиженскаго монастыря, предпошлемъ сему нѣсколько словъ о тѣхъ историческихъ документахъ, на основаніи которыхъ можно судить объ этомъ прошломъ.

Самыми главными и чуть-ли не единственно цѣнными документами, сохранившимися и до сего времени въ Почаево-Лаврскомъ архивѣ, служатъ *фундушевыя грамоты* знаменитаго ревнителя и поборника православія на Волыни—князя Константина Константиновича Острожскаго, наданныя имъ монастырю Крестовоздвиженскому. Эти грамоты мы находимъ въ «Книгѣ, заключающей въ себѣ фундушевые документы бывшихъ Дубенскихъ-Преображенскаго (1) и Крестовоздвиженскаго

(1) Извѣстно, что въ г. Дубно, сдѣлавшемся собственностью князей Острожскихъ еще съ 1386 г., когда Ягелло, великій кн. Литовскій, далъ привиллегію на владѣніе Дубномъ Θеодору

монастырей», хранящейся въ Почаево-Лаврскомъ архивѣ подъ № 8/8,—и затѣмъ—въ «Дѣлѣ о возстановленіи на Дубенскомъ островѣ Крестовоздвиженской обители, съ учрежденіемъ въ оную Крестнаго хода изъ Почаевской Лавры», хранящемся также въ Почаево-Лаврскомъ архивѣ подъ № 6/7068. Это послѣднее имѣло для насъ особенное значеніе при обозрѣніи состоянія пустыни со времени возвращенія ея изъ-подъ ига уніатства въ лоно православія.

Изъ этихъ поименованныхъ документовъ мы узнаемъ, что Дубенскій Крестовоздвиженскій монастырь существовалъ еще при предкахъ не только князя К. К—ча Острожскаго, но и—отца его, князя Константина Ивановича: въ своихъ фундушевыхъ грамотахъ, даваемыхъ Дубенскому монастырю Честнаго Креста, кн. К. К—чъ строго различаетъ,—какъ это мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ,—что онъ самъ *отъ себя*, впервые только, надаетъ монастырю, что надано его *отцемъ* и что надано и постановлено *предками ихъ* вмѣстѣ, т. е. сына и отца. Поэтому, хотя въ документахъ этихъ и не говорится, кто именно изъ князей Острожскихъ устроилъ Крестовоздвиженскій монастырь и когда,—вопросъ о времени возникновенія его предположительно можетъ быть рѣшенъ такъ: если этотъ монастырь существовалъ еще при предкахъ князя К. И—ча, отца К. К—ча, а кн. К. Ивановичъ, какъ извѣстно, родился въ 1463 г., а умеръ въ 1533 г., то слѣдуетъ заключить, что монастырь Крестовоздвиженскій возникъ если не въ концѣ

Даниловичу, правнуку кн. Даніила Галицкаго, *князю на Острозѣ*, кромѣ обители честнаго креста (Крестовоздвиженской) устроены были князьями Острожскими еще два монастыря: Спасскій или Преображенскій и монастырь женскій—Вознесенскій или Подборецкій. Послѣдній былъ устроенъ уже кн. К. К—чемъ. Въ настоящее время этихъ монастырей уже нѣтъ, а вмѣсто ихъ приходскія церкви. См. Вол. Еп. Вѣд. за 1880 г. ст. «Бывшіе правосл. монастыри въ г. Дубно, Вол. губ, основанные кн. Острожскими».

XIV в., то не позже первой половины XV в., когда жилъ Василій кн. Острожскій, по прозванію красный.— Далѣе, изъ тѣхъ же грамотъ мы узнаемъ, что монастырь Крестовоздвиженскій въ своихъ фундушевыхъ владѣніяхъ постепенно, такъ сказать, росъ,—и особенно цвѣтущаго состоянія достигъ уже во второй половинѣ XVI-го в., благодаря особенной заботливости о немъ, о его внѣшнемъ и внутреннемъ бытѣ, именно князя К. Константиновича Острожскаго (1).—Скажемъ нѣсколько словъ о немъ, въ связи съ краткою характеристикою того періода, когда онъ жилъ и дѣйствовалъ.

Князь К. К—чъ Острожскій, воевода Кіевскій, маршалъ земли Волынской, родился въ 1527 г., а умеръ въ 1608 г. въ г. Острогѣ. По матеріальнымъ своимъ средствамъ и своему вліятельному положенію въ мірѣ западнорусской аристократіи,—это былъ первѣйшій изъ вельможъ, а по богатству своей вѣры и благочестія,—это былъ первѣйшій защитникъ православія и русской народности въ Ю.-Западной Руси противъ польскаго латинства и, такъ называемаго, уніатства, проводниками котораго явились на Волыни въ XVII и особенно въ XVIII стол. іезуиты. Славный на полѣ брани въ борьбѣ съ татарами, неоднократно нападавшими на Волынь, онъ еще болѣе былъ славенъ въ борьбѣ съ несрав-

---

(1) Причиною же того, почему не сохранилось никакихъ фундушевыхъ грамотъ, надаваемыхъ монастырю *предками князя К. К.*, нужно признать то, что, по всей вѣроятности, такихъ грамотъ отъ предковъ князя К. К. и не было, а не было или потому, что тогда не вошло еще въ обычай, быть можетъ, скрѣплять письменно «надaній» обителямъ, или—потому, что они—предки князя К. Константиновича—не видѣли въ нихъ нужды; во время же князя К. К—ча въ подобныхъ грамотахъ уже была нужда: съ одной стороны Волыни уже угрожала унія, съ другой,—какъ мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ изъ грамотъ, —отъ различныхъ мѣщанъ городскихъ и урядниковъ («врядниковъ»—урядниковъ—чиновниковъ) стали-было наноситься ущербы обители, поднимались споры: дѣйствительно-ли монастырю этому принадлежитъ тó-то или это?!!—

ненно болѣе опасными противниками и врагами—iезуитами, которые, какъ извѣстно, чрезъ измышленную ими унiю, окончательно констатированную на Брестскомъ сеймѣ въ 1596 г., хотѣли окатоличить и привести въ подданство папѣ—«непогрѣшимому», по ихъ ученiю, владыкѣ всей земли—всю западно-православную Русь. Князь К. К—чъ сильно противился введенiю церковной унiи и велъ жестокую противъ нея полемику. Съ цѣлiю дать теоретически-научную опору расшатываемому iезуитами православiю, князь сдѣлалъ г. Острогъ, свой дѣдичный городъ, столицею для этого края православно-христiанскаго просвѣщенiя: онъ учредилъ тутъ типографiю, завелъ школы, привлекъ сюда ученыхъ, издалъ въ 1581-мъ году полную славянскую библiю и довольно сочиненiй на русскомъ и польскомъ языкахъ. Тотъ же самый князь, съ цѣлiю—дать нравственно-практическую опору православно-русской народности для борьбы съ латинствомъ, устроялъ на Волыни множество православныхъ храмовъ и обителей, въ стѣнахъ которыхъ православiе могло бы найти для себя убѣжище и твердый оплотъ противъ нравственной гнилости iезуитскаго католицизма. Къ числу такихъ-то обителей принадлежитъ и Дубенская обитель Честнаго Креста. Набожный и боголюбивый князь, какъ мы сей-часъ увидимъ изъ его грамотъ, наданныхъ Дубенскому Крестовоздвиженскому монастырю, въ теченiе всей своей жизни все предпринималъ для того, чтобы поставить въ немъ православiе на твердую почву,—оградить его отъ злокозненныхъ дѣйствiй полонизма и латинства, съ одной стороны, мѣрами внѣшними матерiальными, съ другой—внутренними—нравственными.—Поэтому перейдемъ къ обозрѣнiю его грамотъ.

1) 9-го Iюня 1547 г. кн. К. К—чъ, утверждая за монастыремъ Честнаго Креста десятину озимаго хлѣба—ржи и пшеницы—съ полей села Иванья (селенiе это противъ монастыря, тутъ же за болотомъ), завѣщанную этому монастырю еще отцемъ его-кн. К. И—чемъ

(«якъ и што отецъ намъ надалъ»), назначаетъ отъ себя еще подобную же десятину съ с. Знесенья (Вознесенья —предмѣстья Дубна, по почтовому тракту къ Кременцу), а вмѣстѣ съ тѣмъ «мытникамъ» Дубенскимъ приказываетъ *по прежнему* выдавать ежегодно монастырю пять тысячъ соли. Когда же это право монастыря стало нарушаться мѣщанами Дубенскими, то князь особою грамотою «на десятину и соль» снова подтвердилъ это право.

2) Въ виду того, что «общое житіе Василія Великаго и религія наша греческая постами инокомъ бавитися повеливаетъ» (т. е. упражняться въ постничествѣ), кн. К. К—чъ, въ своей грамотѣ «на ловлю рыбы» отъ 30-го Марта 1571 г., «надалъ» игумену этого монастыря и братіи одного рыбака для «вольнаго ловленія рыбы въ ставу с. Иванья»; а когда монастырь сталъ встрѣчать помѣху въ исполненіи этого княжескаго позволенія, князь снова подтвердилъ это право монастыря особою грамотой отъ 1602 г. мая 2 дня.

3) Въ виду того, что монастырю нужны были и дрова, и строевой лѣсъ «на разныя его потребы», князь и эту нужду монастыря обезпечилъ своими грамотами «на лѣсъ» отъ 1598 г. Іюля 20 д. и 1599 г. Марта 10 д., въ которыхъ дозволяется монастырю брать лѣсъ какъ для отопленія, такъ и на различныя постройки.

4) Такъ какъ монастырю нужно было иногда молоть зерновой хлѣбъ, то князь далъ грамоты монастырю и на «вольный помолъ хлѣба» въ мельницахъ Дубенскихъ (въ «млинахъ нашихъ») отъ 1583 г. Апр. 20 д. и 1596 г. Окт. 10 д.

5) Чтобы «братія въ нарочитые дни праздниковъ мѣли въ трапезѣ утѣшеніе», князь, въ своей грамотѣ «на медъ» отъ 1598 г. Іюня 10 д., приказалъ давать тому монастырю Честнаго Креста съ с. Студзянки (вблизи Дубна) по одному ведру меду съ бортныхъ деревъ и позволилъ подданнымъ монастырскимъ «капуны сытити на праздникъ».

б) Князь К. К—чъ значительно расширилъ и земельную собственность Крестовоздвиженскаго монастыря. Такъ а) 4-го Іюня 1582 г. князь даетъ грамоту монастырю на право обладанія,—сверхъ наданнаго тому монастырю еще отцемъ его поля,—четырьмя волоками (1) земли городской и пятью огородами, находящимися въ «кутѣ» противъ монастыря, съ назначеніемъ при этомъ послѣднему подданныхъ для черно-рабочихъ повинностей. Вотъ полное содержаніе этой грамоты: «Константинъ, Княжа Острожское, Воевода Кіевскій.—Наместникови нашему Дубенскому пану Гневошови Вороновичу и иншимъ на потомъ будучимъ наместникомъ нашимъ Дубенскимъ.—Ознаймуемы тымъ листомъ нашимъ, ижъ (что) съ ласки нашое (по милости нашей) придали на монастырь нашъ Дубенскій Честного Креста к старому полю, которое с давныхъ часовъ за славное памети пана отца нашего надано, чотире волоки земли местское (мѣстной—городской), а въ куте противъ монастыра пять огородовъ.. Симъ листомъ нашимъ позволяемъ Игуменови того монастыра отцу Василію людей посадити, которые, подданыи на тыхъ волокахъ и огородахъ отъ него посажоныи, жадное подати и ни повинности до замку нашого Дубенского чинити не маютъ, але вшелякое послушенство, платити, чиншъ, роботы игуменови того монастыра теперешнему и по немъ будучимъ полнити повинни будутъ». б) 11-го Марта 1598 г. князь К. К—чъ присоединилъ къ земельнымъ владѣніямъ монастыря находящіеся на р. Иквѣ острова: Горбачинъ, Пантелеимонъ и Климентъ,—съ назначеніемъ во игумена онаго нѣкоего о. Глѣба—человѣка, во всѣхъ отношеніяхъ достойнаго такого своего назначенія. Вотъ содержаніе этой грамоты: «Константинъ, Княжа Острожское, Воевода Кіевскій, Маршалокъ земли Волынской, Староста Володимірскій.—Ознаймуемы тымъ

(1) Волока земли равняется нашимъ двадцати десятинамъ; слѣд. $4^1/_2$ вол. = 90 десят.—

листомъ нашимъ, ижъ, мы бачачи въ справахъ церковныхъ служебника нашего Глиба вѣдомого и умѣетного, а дознавши въ службахъ его вѣрного и зычливого, а до тыхъ справъ духовныхъ хутливого и склонного, тихаго и скромнаго, дали есмо ему монастырь у имѣнью нашомъ Дубнѣ Честного Креста подъ мѣстомъ на островѣ за всѣми належностями до того монастыря прислухаючими—ведле стародавного звычаю. Къ томужъ придали есмо до тогожъ помененного монастыра островъ тамъ же на томъ ставу подъ мѣстомъ прозываемый Горбачинъ, увесь сполна, и другій Пантелеимонъ и Климентъ, то монастыръ помененный служебникъ нашъ Глибъ, в станъ чернецкій вступивши маетъ спокойне держати безъ всякого отъ насъ и потомковъ нашихъ и врадниковъ тамошнихъ переказы и вступованья».

7) Но изъ всѣхъ фундушевыхъ грамотъ князя К. К—ча особеннаго вниманія заслуживаетъ грамота «на всѣ угодья», данная монастырю 15 Іюля 1599 г. Вотъ эта грамота: «Константинъ, Княжа Острожское, Воевода Кіевскій.—Ознаймуемы тымъ листомъ и добровольнымъ постановленіемъ нашимъ теперешнимъ потомкомъ нашимъ и всѣмъ въ вѣкахъ будущихъ дѣдичомъ и державцемъ того имѣнія нашого отчинного мѣста Дубно, ижъ (что) що *предки нашие* для большое хвалы Божое помноженія чину иноковъ Святого Василія Великого на островѣ ставу Иванского *постановили и добромъ вшелякимъ взмогли, а до туль жаднымъ листомъ не ствердили* (1), —мы тогда бачечи великую горливость предковъ нашихъ а безъ листу албо фундушу упадкови подлегающую, о чимъ и Евангельские Господа нашего І. Христа извѣствуютъ словеса: на песку не ставити дѣла великого, но на доброй землѣ благопотребно есть въ викахъ трваное (прочное),—мы, хотячи мѣти (имѣть)

(1) Вотъ это именно мѣсто мы разумѣли при своемъ, прежде выраженномъ, заключеніи, что предки князя К. К—ча совсѣмъ не скрѣпляли письменными документами своихъ наданій этой обители Честнаго Креста.

предковъ нашихъ Богу умиленное изволеніе ни в чемъ не порушенное, а жебы хуткая на чужое людей запятливыхъ зависть имѣнію Богу Всемогущему и церквѣ Его Святой отданному ушкодити не могла, за жаданіемъ притомъ усильнымъ отца нашего Глиба, игумена обители святаго и Животворящаго Креста, и за челомъ намъ битіемъ со всею братіею своею, яко ся они всего житейского вырекши (отрекшись) Богу и себѣ присягши въ общиніи жити и за насъ непрестанное Его молити изволили,—такъ мы все имѣнія той церкви Божои Честного Креста вѣчне наданые, ничего а ни придаючи а ни уймуючи (не прибавляя и не убавляя), то есть—з селомъ Выгнанкою и з кгрунтами до него належащими, особливе унову со приданіемъ пулдевятнадесяти (по нашему 18½) волокъ земли местское з цѣлымъ кутомъ за садомъ нашимъ, з десятиною с Иванья и Знесенья, з пятьма тысяча соли от мытниковъ Дубенскихъ належачои, з вольнымъ ловленіемъ рыбъ в ставахъ нашихъ Дубенскихъ, з вольнымъ вступомъ в лѣсы нашие на вшелякую потребу, с наданіемъ меду з села Студянки и канунами, со приданиемъ Пантелеимона, Климента и другаго острову Горбачина—подъ мѣстомъ нашимъ тымъ же Дубномъ лежащого, со молотіемъ во млынахъ нашихъ Дубенскихъ и со всѣми инными якимъ колвекъ обычаемъ прислухаючими належностями,—отдаемъ... церкви реченой Честного Креста, вичне тыхъ имѣній одступуемо и даруемо (навсегда отступая отъ тѣхъ имѣній),—што и тимъ листу нашого фундушемъ сознаемо и ствердаемо. А естли бы от тыхъ имѣній и данинъ якову часть одлучити кто и себѣ привлащити смѣлъ, таковой отвѣтъ дастъ Богу на страшномъ Судѣ Его и да отлученъ будетъ во пропасть кромѣшнюю.— На тое даемо сей нашъ записъ не порушенъ вѣчне. Далъ в Острозѣ, мѣсяца Іюля 15 д. року 1599.—Константинъ».—Внизу подъ этою грамотою мы читаемъ: «Року 1631 мѣсяца Октомвра 1 дня. Велебный его милость отецъ Кассіанъ Саковичъ для уписанія сей листъ

*

до книгъ подалъ, егоже воспріяхъ Іосифъ Фрикачъ, Судія Кременецкій и намѣстникъ».—Эта, сполна прописанная, грамота кн. К. К—ча, засвидѣтельствованная, какъ видно въ концѣ ея, судебнымъ начальствомъ, важна, во 1-хъ, въ томъ отношеніи, что она служитъ выраженіемъ содержанія всѣхъ другихъ грамотъ, данныхъ монастырю Честнаго Креста кн. К. К—чемъ въ различное время его жизни; во 2-хъ—въ томъ, что по ней и въ настоящее время отчасти возможно воспроизвести планъ всего внѣшняго имущества монастыря. Изъ нея именно видно, что Дубенскій Крестовоздвиженскій монастырь былъ, насколько возможно, окруженъ отовсюду своимъ собственнымъ имуществомъ, такъ какъ всѣ вышепоименованныя въ грамотѣ мѣста или примыкаютъ къ самому монастырю и городу, или находятся неподалеку отъ нихъ,—при чемъ видно также, что этого имущества у монастыря было слишкомъ даже достаточно: кромѣ недальняго отъ города с. Выгнанки съ относящимися до ней землями, монастырю, какъ мы видѣли, приписано 18½ волокъ городской земли, что въ переводѣ на нашъ аграрный языкъ равняется 370 десятинамъ,—затѣмъ еще приписаны лежащія на рѣкѣ Иквѣ острова: Горбачинъ, лежащій отъ монастыря на разстояніи ½—версты, Пантелеимонъ—версты и Климентъ—1½—версты; сверхъ этого монастырь еще пользовался десятинами съ помѣщичьихъ полей с. с.: Иванья, лежащаго за болотомъ противъ монастыря, и Вознесенья, лежащаго при самомъ городѣ, на почтовомъ трактѣ въ Кременецъ и пр. Словомъ, по всему видно, что Дубенскій Крестовоздвиженскій монастырь былъ въ свое время вполнѣ матеріально обезпеченнымъ и цвѣтущимъ монастыремъ. Наконецъ, въ 3-хъ, эта грамота важна еще и въ томъ отношеніи, что изъ надписи подъ ней Кременецкаго судьи І. Фрикача видно, что фундушевыя владѣнія монастыря были признаны и админстративною властью, не смотря на то, что къ 1631-му году кн. К. К—ча, главнаго фундатора монастыря, уже давно не было въ живыхъ.

*

Обезпечивъ Дубенскій Крестовоздвиженскій монастырь въ матеріальномъ отношеніи, кн. К. К—чъ Острожскій одинаково заботился и о внутренней сторонѣ быта монастыря,—не упускалъ изъ виду и нравственнаго совершенствованія иноковъ его. Князь желалъ, чтобы иноки его были иноками не на словахъ только, но и на дѣлѣ,—обезпечилъ ихъ матеріальный бытъ именно для того, чтобы они, необремененные мірскими нуждами и заботами, тѣмъ съ болѣе неустаннымъ рвеніемъ могли упражняться въ дѣлахъ благочестія. Имѣя на первомъ планѣ въ виду это послѣднее, князь старался всегда ввѣрять управленіе обителью лицамъ, во всѣхъ отношеніяхъ достойнымъ, приглашая таковыхъ даже изъ отдаленныхъ краевъ. Такъ, когда по всѣмъ предѣламъ Польши и Малороссіи разнеслась слава о существованіи въ Угорницкой обители (что въ Австрійской Галиціи) великаго подвижника—схимника Іова, то кн. К. К—чъ, исполненный благоговѣнія къ святой жизни его, просилъ въ 1571-мъ г. игумена Угорницкой обители, ради любви Божіей, послать сего блаженнаго мужа въ обитель Животворящаго Креста, дабы *здѣсь показать образъ богоугоднаго житія инокамъ*. Игуменъ, не желавшій лишиться своего великаго подвижника хотя и съ великою скорбію, однако отпустилъ отъ себя блаженнаго Іова въ Честно-Крестную обитель, гдѣ вскорѣ послѣдній избранъ былъ, противъ своей воли, во игумена. Въ продолженіе 20-ти лѣтъ блаженный Іовъ управлялъ Честно-Крестною обителью,—и подъ его мудрымъ управленіемъ она процвѣла: сюда стало стекаться многочисленное братство, которое, по его примѣру, усердно занялось писаніемъ церковныхъ книгъ. Но уже множество посѣтителей стало тягостнымъ любителю уединенія,—и онъ тайно убѣжалъ изъ обители въ святую гору Почаевскую, издавна прославленную чудесами отъ иконы Божіей Матери. Но и здѣсь не могъ укрыться: вскорѣ былъ избранъ братіею въ игумена,—и въ такомъ чинѣ оставался до самой своей кончины 28 октября 1651 года,

а спустя семь лѣтъ послѣ сего, были открыты и нетлѣнныя его мощи Кіевскимъ митрополитомъ Діонисіемъ Балабаномъ и покоятся онѣ въ Почаевѣ, въ пещерной церкви (1). Кромѣ этого факта заботливости кн. К. К—ча о нравственномъ благоустроеніи обители Честнаго Креста,—это же самое усматривается и изъ его грамотъ. Такъ, въ одной изъ вышепредставленныхъ грамотъ мы видѣли, что князь, назначая игуменомъ монастыря о. Глѣба, тутъ же прибавляетъ—почему онъ дѣлаетъ это: потому что онъ знаетъ его за человѣка «въ справахъ церковныхъ вѣдомого и умѣетного, въ службахъ вѣрнаго и зычливаго, тихаго и скромнаго»... Очевидно, князь очень хорошо понималъ, что каковъ пастырь, таковы и пасомые, а поэтому особенное вниманіе обращалъ на выборъ игумена монастыря. И по всей вѣроятности, монастырская братія своимъ поведеніемъ оправдывала желанія этаго набожнаго и боголюбиваго мужа. Объ этомъ можно заключать, съ одной стороны, изъ того, что въ тѣхъ же самыхъ грамотахъ князя не усматривается ни малѣйшаго намека на какую-либо внутреннюю неурядицу въ монастырѣ,—съ другой—изъ того, что именно этотъ, а не другой какой-либо монастырь (напр. Спасскій), строго соблюдавшій обряды Православной церкви князь избиралъ убѣжищемъ для себя въ покаянные дни великаго поста: сюда онъ удалялся на всю первую седмицу этаго поста, сбрасывалъ съ себя княжеское одѣяніе, мѣняя его на монашеское и, при соблюденіи постничества и молитвы, приготовлялъ себя къ исповѣди и св. причастію. Этотъ личный примѣръ князя опять-таки не могъ не дѣйствовать благотворнымъ образомъ на нравственное настроеніе иночествующей братіи обители Честнаго Креста.—На этомъ

---

(1) Преподобный Іовъ былъ родомъ изъ земли Галицкой, отъ предѣловъ Покутскихъ; происходилъ отъ православныхъ родителей, по прозванію Желѣзо; во святомъ крещеніи нареченъ былъ Іоанномъ. См. житіе пр. Іова Желѣза игумена Лавры Почаевской, изд. въ Почаевѣ.

и покончимъ нашу рѣчь объ отношеніи кн. К. К—ча къ своей обители.

Изъ всего, доселѣ нами сказаннаго относительно обители Честнаго Креста, общее заключеніе съ полною и несомнѣнною справедливостью можетъ быть выведено такое: во времена князей Острожскихъ—главныхъ поборниковъ и ревнителей православія въ Юго-Западной Руси, а въ особенности во время жизни кн. К. К—ча Острожскаго, эта обитель во всѣхъ отношеніяхъ—и въ нравственномъ и въ матеріальномъ,—*была вполнѣ благоустроенною, даже—во второй половинѣ XVI стол.—цвѣтущею* обителью.

Но насколько въ то время, пока былъ живъ кн. К. К—чъ, Крестовоздвиженская обитель процвѣтала, настолько потомъ поблекла,—насколько была велика ея радость прежде, настолько глубока была ея печаль потомъ,—насколько прежде въ ней было обиліе богатства матеріальнаго и нравственнаго, настолько потомъ—нищета въ томъ и другомъ отношеніяхъ.—Историческія обстоятельства сего слѣдующія.

Сколько ни старался кн. К. К—чъ Острожскій оградить этотъ край, а въ немъ—православіе и русскую народность, отъ полонизма и латинства, піонерами котораго здѣсь явились іезуиты, но честному и открыто ведущему дѣло человѣку трудно было побѣдить этихъ коварныхъ и лживыхъ противниковъ. Видя въ князьяхъ Острожскихъ могущественныхъ покровителей православія и сознавая всю силу ихъ громаднаго вліянія на народъ, іезуиты употребляли всѣ усилія къ тому, чтобы склонить этихъ несокрушимыхъ борцовъ къ латинству или, по крайней мѣрѣ, къ принятію уніи, отъ которой такъ легокъ былъ переходъ и къ латинству. Наконецъ, отчасти этого они и достигли. Второй сынъ К. К—ча Янушъ, впослѣдствіи каштелянъ Краковскій былъ отправленъ отцемъ ко двору нѣмецкаго императора, Максимиліана II-го, для изученія военнаго искусства. И вотъ, здѣсь-то іезуиты опутали этого юношу сѣтью сво-

ей гибельной пропаганды и расположили къ католицизму. Дѣйствуя потомъ чрезъ короля, осыпавшаго всѣми почестями и наградами Януша, и при посредствѣ молодой жены его, они достигли своей цѣли: Янушъ сдѣлался папистомъ, столько же усерднымъ къ своему новому вѣроисповѣданію, сколько прежде преданъ онъ былъ православію. Гораздо менѣе имѣли успѣха іезуиты въ покушеніи—отвлечь отъ православія старшаго сына К. К—ча—Константина, который сначала увлекся-было льстивыми рѣчами іезуитовъ, но скоро прогналъ ихъ отъ себя и сохранилъ въ чистотѣ вѣру своихъ предковъ до самой смерти своей, послѣдовавшей въ 1595 году. Послѣ того отрадою престарѣлаго отца оставался младшій его сынъ, Александръ, который не внималъ ни безотвязнымъ просьбамъ своей жены, дочери Сендомирскаго воеводы, ни убѣжденіямъ ксендзовъ: вмѣстѣ съ отцемъ своимъ онъ ревностно противоборствовалъ насильственной пропагандѣ; но въ 1603 г. и онъ сходитъ въ могилу. Понятно, какъ тяжело было кн. К. К—чу въ послѣдніе годы его жизни: средній сынъ его, Янушъ, измѣнилъ православію,—другихъ двухъ сыновей, на которыхъ этотъ опекунъ и заступникъ православія могъ бы возложить надежду на продолженіе борьбы съ латинствомъ и уніатствомъ даже и по смерти его самого, не стало. Два сына въ могилѣ, а третій отступникъ! Старый воевода Кіевскій съ тяжелою грустью въ сердцѣ сходитъ, наконецъ, въ 1608 г. и самъ въ могилу, на 82-мъ году своей жизни. Погребенъ онъ въ Острогѣ, въ Замковой Богоявленской церкви, подлѣ своего меньшаго и любимаго сына—Александра.

Умеръ кн. К. Константиновичъ Острожскій,—и въ лицѣ его упалъ «столбъ западно-русскаго православія,— но можно также сказать,—послѣдній западно-русскій дубъ, кругомъ котораго падали другіе русскіе дубы и у котораго даже самого, какъ мы видѣли, быстро увядали и засыхали въ полонизмѣ и латинствѣ его собственныя

молодыя вѣтви,—родныя дѣти» (1). И дѣйствительно, падали другіе западно-русскіе дубы: всѣ знатные роды западно-русской аристократіи, до сихъ поръ опора и защита православія въ этомъ краѣ,—теперь, подъ вліяніемъ всерастлѣвающей дѣятельности іезуитовъ, мѣняютъ православіе на латинство, сливаются съ польскимъ шляхетствомъ, совсѣмъ забывая интересъ православія, интересъ русскаго народа,—и такимъ образомъ изъ положенія опекуновъ и защитниковъ западно-русской православной народности переходятъ въ положеніе противниковъ и разрушителей послѣдней. Недаромъ, поэтому, западно-русская церковь такъ трогательно оплакивала печальную участь этихъ родовъ, когда-то составлявшихъ ея красу и гордость, а теперь погибавшихъ въ полонизмѣ и латинствѣ. «Гдѣ теперь тотъ неоцѣненный камень»,—восклицалъ авторъ знаменитаго сочиненія «Ѳриносъ»—Мелетій Смотрицкій,—«который я носила вмѣстѣ съ другими брилліантами на моей головѣ, въ вѣнцѣ, какъ солнце среди звѣздъ,—гдѣ теперь домъ князей Острожскихъ, который превосходилъ всѣхъ яркимъ блескомъ своей древней (православной) вѣры? Гдѣ и другіе также неоцѣнѣнные камни моего вѣнца, славные роды русскихъ князей, мои сапфиры и алмазы: князья Слуцкіе, Заславскіе, Збаражскіе, Вишневецкіе, Сангушки... Вы, злые люди, (своею измѣною) обнажили меня отъ этой дорогой ризы и теперь насмѣхаетесь надъ немощнымъ моимъ тѣломъ, изъ котораго, однако, вы всѣ вышли. Но помните: проклятъ всякъ, открывающій наготу своей матери! Прокляты будете и вы всѣ, насмѣхающіеся надъ моей наготой, радующіеся ей. Настанетъ время, что всѣ вы будете стыдиться своихъ дѣйствій» (2). Подобное сѣтованіе, такой сердечный вопль о переходѣ въ католицизмъ, о погибели въ полонизмѣ знаменитыхъ родовъ западно-русской аристо-

(1) См. «Чтенія по исторіи Западной Россіи», Проф. С.-Пет. Акад. М. О. Кояловича,—стр. 217. изд. 1884.

(2) Чт. по Ист. Зап. Р. стр. 215.

кратіи были вполнѣ умѣстны и въ устахъ иноковъ православной обители Честнаго Креста, равно какъ—и всѣхъ православныхъ обитателей города Дубно, со смертію кн. К. К—ча въ 1608 г. остававшихся совершенно беззащитными предъ лицемъ іезуитовъ. Правда, послѣ того еще оставался въ живыхъ изъ славнаго рода князей Острожскихъ Янушъ, каштелянъ Краковскій, но, какъ сказано выше, онъ обезславилъ славу своего рода, измѣнивъ православію и принявъ католицизмъ. Стало быть, на его помощь и защиту православной обители Честнаго Креста нечего было разсчитывать. Да и тѣ патроны города Дубно, къ которымъ, за бездѣтностью Януша, умершаго въ 1620-мъ году, онъ перешолъ потомъ, все были лица окатоличившіеся и ополячившіеся, погибель которыхъ оплакивалъ въ своемъ «Ѳриносѣ» (1610 г.) Мелетій Смотрицкій: съ 1620 года патронами—властителями Дубна были князья Заславскіе, съ 1721-го г.—князья Сангушки, съ 1753 г.—кн. Любомірскіе,—и лишь только въ 70 хъ годахъ текущаго столѣтія г. Дубно, по купчей крѣпости, перешолъ во владѣніе кн. Барятинской. Значитъ, и на этихъ князей, заступившихъ въ Дубнѣ мѣсто кн. Острожскихъ, православнымъ нечего было надѣяться, но іезуитамъ очень и очень можно было; стало-быть и положеніе православныхъ города Дубно, равно какъ и его православныхъ обителей, естественно, послѣ смерти кн. К. К—ча Острожскаго должно было измѣниться къ худшему. Это мы и видимъ на самомъ дѣлѣ.

Проникши въ Дубно, іезуиты первымъ дѣломъ хотятъ парализовать возможность вліянія на народъ находившихся здѣсь православныхъ обителей, устроенныхъ православными кн. Острожскими; а для этого, съ одной стороны, они располагаютъ патроновъ города, покорныхъ слугъ папской власти, къ устроенію здѣсь, въ противовѣсъ православнымъ обителямъ, монастырей р.-католическихъ,—съ другой—ко введенію въ эти обители уніи, которая, какъ извѣстно, въ рукахъ іезуитовъ была

ничѣмъ другимъ, какъ именно подготовительнымъ средствомъ--какъ-бы нѣкоторымъ преддверіемъ, чрезъ которое они—іезуиты хотѣли незамѣтнымъ образомъ, исподоволь, ввести настоящее и полное латинство во всемъ западно-русскомъ краѣ. Этимъ-то и объясняется то историческое явленіе, что съ теченіемъ времени православіе въ уніи, въ которой,—по первоначально принятымъ условіямъ соединенія западно-русской церкви съ римскою на Брестскомъ сеймѣ 1596 года,—долженъ былъ оставаться неизмѣннымъ весь православный строй религіозно-церковной жизни,—все болѣе и болѣе искажалось привнесеніемъ въ него такихъ латино-польскихъ нововведеній, при которыхъ уніатство, постепенно удаляясь отъ православія, тѣснѣйшимъ образомъ уже сливалось съ латинствомъ; а въ концѣ концовъ трудно было даже различить, кто католикъ, кто уніатъ. Какъ извѣстно, такое сліяніе уніятства съ латинствомъ почти до безразличія послѣдовало въ Ю.-Западномъ русскомъ краѣ и въ частности на Волыни послѣ, такъ называемаго, Замойскаго (въ Замостьѣ) собора, бывшаго въ 1720 г. (1) Со времени этого собора даже въ самихъ уніятахъ этого края явилась крайняя нетерпимость ко всему православному: или издаются новые служебники, въ которыхъ обряды были латинскіе; въ символъ вѣры прибавлено Filique, а въ молитвахъ явилось имя папы; введены при богослуженіи органы и колокольчики,—уничтожались иконостасы въ церквахъ,—укорачивались церковныя облаченія, по примѣру ксендзовъ и т. п.; словомъ—въ концѣ концовъ въ уніи обликъ православія совершенно стерся, изгладился, и осталось одно латинство—Вотъ почему и въ Дубнѣ первымъ дѣломъ іезуитовъ было введеніе уніи въ православныя обители, а вмѣстѣ съ тѣмъ и устроеніе обителей р.-католическихъ. При новомъ порядкѣ вещей, при новыхъ владѣльцахъ этого города, имъ и не трудно было достигнуть всего этого.

---

(1) См. Чт. по Ист. Зап. Рос. стр. 278.

И дѣйствительно, не долго спустя послѣ смерти здѣшняго хранителя и печальника православія, кн. К. К—ча Острожскаго, по приказанію сына его Януша въ самомъ городѣ устроивается р.-католическій монастырь бернардиновъ, а по смерти Януша, при преемникѣ его кн. Владиславѣ-Доминикѣ Заславскомъ, не замедлила появиться въ стѣнахъ православныхъ обителей и пресловутая унія. Это было въ началѣ 30-хъ годовъ XVII стол., когда, по ходатайству князя, архимандритомъ —настоятелемъ этихъ обителей былъ назначенъ закоренѣлый уніатъ, сторонникъ латинства, поносившій въ своихъ сочиненіяхъ православіе въ самыхъ грубыхъ литературныхъ формахъ, нѣкто Кассіянъ Саковичъ.— Послѣ него уже непрерывно слѣдуетъ рядъ настоятелей надъ Дубенскими монастырями только изъ уніятовъ, которые по своему іерархическому достоинству были большею частью епископы и митрополиты. Сюда относятся: Прокопій Хмѣлевскій, еп. Перемышльскій,—Кипріанъ Жоховскій, унитскій митрополитъ,—Левъ Заленскій, также митрополитъ,—Иннокентій Винницкій, еп. Перемышльскій,—Антоній Жолкевскій, еп. Пинскій,—Георгій Винницкій, послѣ Заленскаго—митрополитъ,—Іануарій Огурцевичъ, бывшій ректоръ Владимірскаго училища и проч (1). Всѣ эти лица—епископы и митрополиты, жившіе, обыкновенно, не въ своихъ архимандріяхъ, а вдали отъ нихъ, не могли непосредственно вникать въ нужды монастырей, имъ подвластныхъ, а по своей склонности къ латинству—и не хотѣли заботиться объ ихъ интересахъ; смотря на свои архимандріи только какъ на свою доходную статью, на свою собственность, они заботились лишь о томъ, чтобы побольше получать съ нихъ доходовъ. Стало быть, Дубенскіе монастыри, въ томъ числѣ и Крестовоздвиженскій, беззащитные со стороны мѣстной латино-польской власти, были въ тоже

(1) См. подробности объ этихъ лицахъ въ ст. «Бывшіе православные мон. въ г. Дубнѣ, основ. кн. Острожск.»—Вол. Еп. Вѣд. 1880 г.

время беззащитны и со стороны духовной власти,— вслѣдствіе чего здѣсь представлялся полный просторъ для разрушительной дѣятельности іезуитовъ и латинянъ по отношенію къ православію.—Но, по всей вѣроятности, наибольшее препятствіе въ осуществленіи своихъ коварныхъ цѣлей они—іезуиты встрѣтили со стороны обители Честнаго Креста, гдѣ 20-ть лѣтъ словомъ и дѣломъ поучалъ братію и приходящій народъ славный своимъ благочестіемъ блаженный Іовъ, память о которомъ, конечно, была жива,—и если не самъ онъ, то, по крайней мѣрѣ, память о немъ могла вызывать въ братіи упорное противленіе стремленію іезуитовъ—*подъ видомъ уніи ниспровергнуть совсѣмъ православіе;* по всей вѣроятности также, эта обитель и въ глазахъ народа пользовалась особеннымъ уваженіемъ, какъ мѣсто подвиговъ пр. Іова, нетлѣнныя мощи котораго въ началѣ второй половины XVII-го столѣтія уже были прославлены и открыты въ Почаевской обители. Значитъ, нужно было эту обитель (Честнаго Креста), упорную противницу латинства, какъ нибудь заслонить, изолировать отъ города, поставить въ такое положеніе, при которомъ ея вліяніе на народъ и ея противленіе латинству были почти, если не совсѣмъ, невозможны. Чтоже дѣлаютъ іезуиты?—Вблизи самаго города, какъ-разъ на землѣ, по которой пролегаетъ единственная дорога отъ города къ Крестовоздвиженской обители, они устрояютъ другой р.-католическій монастырь,—именно женскій монастырь кармелитокъ, монашескіе обѣты которыхъ, по ихъ каноническому праву, требуютъ строжайшаго соблюденія правилъ дѣвичьяго затворничества.—устрояютъ именно такой монастырь, очевидно, съ цѣлію—всегда имѣть благовидный предлогъ къ воспрещенію—кому понадобится—прохода изъ города въ обитель или наоборотъ; такъ что послѣ этого сообщеніе обители Честнаго Креста съ городомъ было поставлено въ полную зависимость отъ католиковъ, ихъ каприза и произвола. Путемъ такихъ-то насилій и притѣсненій, чинимыхъ этой оби-

тели, іезуиты въ концѣ концовъ достигли того, что и въ ней, вмѣсто прежней, такъ сказать, *номинальной* только уніи, констатированной на Брестскомъ сеймѣ (1596 г.) и введенной въ нее еще въ 30-хъ г.г. XVII стол., водворилась унія Замойскаго Собора (1720 г.), гдѣ, какъ сказано было выше, отъ православія почти ничего не оставалось, почему и сами уніаты стали называться уже не греко-унитами, а *римско-унитами*, а уніатскіе монахи—*базиліанами;* актъ введенія такой уніи въ Крестовоздвиженскую обитель, равно какъ и въ другія Дубенскія обители засвидѣтельствовалъ своею личною подписью подъ опредѣленіями Замойскаго Собора Іануарій Огурцевичъ, бывшій въ то время архимандритомъ Дубенскихъ обителей.

(Продолженіе впредь).

ЛѢТОПИСЬ ТЕКУЩИХЪ СОБЫТІЙ.

Циркуляръ министра народнаго просвѣщенія попечителямъ учебныхъ округовъ—о дѣятельности классныхъ наставниковъ по воспитательной части въ гимназіяхъ, прогимназіяхъ и реальныхъ училищахъ (26 іюля 1884 г.). Уставомъ гимназій и прогимназій 1871 года и уставомъ реальныхъ училищъ 1872 года введена въ этихъ и подобныхъ имъ учебныхъ заведеніяхъ новая должность классныхъ наставниковъ, съ цѣлью привлеченія преподавателей къ воспитательно-распорядительной дѣятельности, причемъ класснымъ наставникамъ ввѣряется ближайшая забота о нравственномъ и умственномъ преуспѣяніи учениковъ ихъ класса. Такая серьезная и весьма плодотворная въ дѣлѣ воспитанія юношества задача налагаетъ на классныхъ наставниковъ, избираемыхъ изъ числа преподавателей, имѣющихъ въ классѣ наибольшее число уроковъ, обязанность пещись всѣми мѣрами не только объ успѣхахъ учениковъ своего класса, но и о воспитаніи ихъ въ твердыхъ началахъ религіи и нравственности, развивая въ нихъ чувства преданности пре-

столу, любви къ отечеству и уваженія къ закону. Безъ сомнѣнія, высокая цѣль воспитанія молодаго поколѣнія не можетъ ограничиваться формальнымъ наблюденіемъ за учениками въ стѣнахъ заведенія, а должна вызывать постоянную заботу о всѣхъ сторонахъ ихъ жизни внѣ заведенія и неуклонное наблюденіе за дѣтьми и юношами, ввѣренными заботливости правительства. Классные наставники, будучи призваны, преимущественно предъ другими преподавателями, воспитывать учениковъ, должны идти рука объ руку съ радѣющими о благѣ своихъ дѣтей родителями, помогая имъ своими опытными совѣтами и указаніями и опираясь на ихъ содѣйствіе, а въ особенности должны заботиться о тѣхъ дѣтяхъ и молодыхъ людяхъ, которые лишены возможности жить съ родителями и помѣщаются у родственниковъ, у знакомыхъ или квартиро-содержателей. Если юноша, оставляемый у сихъ послѣднихъ лицъ, нуждается въ устройствѣ его матеріальнаго благосостоянія, то еще болѣе для него необходимы надзоръ и нравственная помощь со стороны классного наставника и гимназическаго начальства. Безъ этой помощи, молодой человѣкъ легко можетъ впасть въ различныя заблужденія и даже быть вовлекаемъ злонамѣренными лицами въ преступныя общества, чему, къ прискорбію родителей и всѣхъ благомыслящихъ людей и къ укору для мѣстныхъ учебныхъ начальствъ, уже имѣется много примѣровъ. Это вовлеченіе въ преступныя общества большею частью случается помимо собственной воли неопытныхъ юношей: они попадаютъ на погибельные пути при посредствѣ злодѣевъ, которые не гнушаются никакими темными средствами для уловленія легковѣрной молодежи, оставленной безъ руководства и надзора старшихъ. Посему директоры, инспекторы и особенно классные наставники должны преимущественно обращать вниманіе на учениковъ старшихъ классовъ, живущихъ у родственниковъ и въ особенности у знакомыхъ и на квартирахъ. Каждый классный наставникъ долженъ возможно чаще посѣщать такихъ учениковъ и знать условія ихъ жизни, среду, ихъ окружающую, лицъ, которыя ихъ посѣщаютъ, слѣдить за ихъ занятіями, чтеніемъ и пр.

Для достиженія правильнаго надзора за учениками, живущими не у родителей, я признаю необходимымъ покорнѣйше

просить ваше превосходительство вмѣнить въ обязанность начальству и классным наставникамъ среднихъ учебныхъ заведеній неуклонное исполненіе какъ прежнихъ по сему распоряженій министерства, изложенныхъ въ правилахъ для учениковъ гимназій и прогимназій (§§ 47—71) въ объяснительной запискѣ къ симъ правиламъ (сборн. постан. и распор. по гим. и прогимн., стр. 534, п. 9) и въ циркулярныхъ предложеніяхъ отъ 21-го августа 1872 и 31-го августа 1882 года за № 11,003, такъ и соблюденіе нижеслѣдующихъ правилъ:

1. Въ каждой гимназіи, прогимназіи и реальномъ училищѣ должна быть введена книга для записыванія адресовъ учениковъ, съ обозначеніемъ званія, имени, отечества и фамиліи лица, у котораго они проживаютъ, съ означеніемъ времени поступленія ученика на квартиру и выбытія его, а также, по какой причинѣ и съ чьего разрѣшенія послѣдовалъ переходъ съ одной квартиры на другую.

2. Классные наставники обязаны еженедѣльно доводить до свѣдѣнія директора о томъ, какіе ученики ихъ класса были посѣщены ими на квартирахъ и какія они сдѣлали при семъ распоряженія, указанія и, проч. Директоръ, если признаетъ нужнымъ, дѣлаетъ, черезъ классныхъ наставниковъ или непосредственно, надлежащія распоряженія и входитъ въ сношеніе съ родственниками или квартиро-содержателями.

3. Классные наставники старшихъ четырехъ классовъ должны посѣщать возможно чаще учениковъ своего класса, живущихъ у родственниковъ, знакомыхъ, а также на общихъ и частныхъ ученическихъ квартирахъ, отмѣчая о своихъ посѣщеніяхъ въ особомъ спискѣ ученическихъ квартиръ, который долженъ находиться у каждаго класснаго наставника и долженъ быть имъ представляемъ, по мѣрѣ надобности, начальнику заведенія.

4. Въ очередныхъ засѣданіяхъ педагогическаго совѣта и классной коммисіи, каждый классный наставникъ обязанъ докладывать какъ о своихъ посѣщеніяхъ, такъ и о вынесенномъ имъ впечатлѣніи о жизни, обстановкѣ и проч. учениковъ своего класса. Педагогическій совѣтъ и коммиссія обращаютъ на эти замѣчанія особенное вниманіе.

5. О важнѣйшихъ по сему постановленіяхъ педагогическаго совѣта и классныхъ коммиссій директоръ доводитъ до свѣдѣнія попечителя округа.

6. Посѣщая учениковъ, классный наставникъ старается, между прочимъ, удостовѣриться, какія лица бываютъ на квартирѣ ученика, съ кѣмъ онъ входитъ въ сношенія и какія книги составляютъ предметъ его чтенія въ свободное отъ занятій время.

7. Если классный наставникъ, при посѣщеніи учениковъ, помѣщающихся у родственниковъ, знакомыхъ и квартиро-содержателей, удостовѣрится, что кто-либо изъ учащихся находится тамъ въ неблагопріятныхъ воспитательныхъ условіяхъ, то немедля докладываетъ объ этомъ директору, которому предоставляется право въ подобныхъ случаяхъ обязать родителей безотлагательно перемѣстить дѣтей къ другимъ лицамъ, съ вѣдома начальства заведенія. Начальникъ заведенія имѣетъ нравственную обязанность располагать родителей помѣщать дѣтей на благоустроенныхъ ученическихъ квартирахъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда обстоятельства, въ коихъ находятся сами родители, не соотвѣтствуютъ воспитательнымъ цѣлямъ. Случаи эти могутъ быть рѣдки, но, тѣмъ не менѣе возможны. Какъ ни высока идея родительскаго воспитанія, но она нерѣдко разбивается о дѣйствительность, и мы видимъ, что дѣлу разумнаго родительскаго воспитанія часто препятствуетъ собственная неразвитость, общественная служба, попеченія о хозяйствѣ, свѣтскія отношенія, развлеченія, горе и неудачи, заботы о насущномъ пропитаніи. Школа должна въ этихъ случаяхъ приходить на помощь семьѣ, какъ-бы ни были, при такихъ обстоятельствахъ, тяжки труды оффиціальныхъ воспитателей.

Директоръ и инспекторъ, состоя классными наставниками, должны являть другимъ примѣръ заботливости объ ученикахъ ихъ классовъ, и потому, наблюдая, вообще, за учениками, живущими на общихъ или частныхъ ученическихъ квартирахъ и у родственниковъ или знакомыхъ, они обязаны преимущественно посѣщать квартиры учениковъ своего класса.

Къ сему считаю нужнымъ присовокупить, что при выборѣ директоровъ и инспекторовъ среднихъ учебныхъ заведеній, а равно при удостоеніи преподавателей почетныхъ и денежныхъ

наградъ, ваше превосходительство будетъ, прежде всего, имѣть въ виду тѣхъ классныхъ наставниковъ, которые неуклонно и съ наибольшимъ успѣхомъ слѣдили за воспитаніемъ и нравственнымъ развитіемъ учениковъ, вникая во всѣ стороны ихъ жизни, а также воспользуетесь, по мѣрѣ возможности, указаніемъ § 58 правилъ для учениковъ о назначеніи класснымъ наставникамъ за исполненіе этихъ обязанностей особаго вознагражденія изъ спеціальныхъ суммъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, вы обратите особое вниманіе классныхъ наставниковъ на то, что они, наравнѣ съ директорами и инспекторами, будутъ подлежать отвѣтственности, если во ввѣренномъ имъ классѣ обнаружится на ученикахъ пагубное вліяніе превратныхъ идей, внушаемыхъ злонамѣренными людьми, или даже сами молодые люди примутъ участіе въ какихъ либо преступныхъ дѣяніяхъ и таковые поступки ихъ не будутъ своевременно обнаружены заведеніемъ.

Я убѣжденъ, что чины учебнаго вѣдомства, проникнутые святостью принятаго ими на себя долга, вполнѣ поймутъ благотворную цѣль предлагаемой мѣры и отнесутся къ ней съ должнымъ усердіемъ и самоотверженіемъ. Не сомнѣваюсь, что и ваше превосходительство, при всемъ множествѣ лежащихъ на васъ обязанностей, постоянно будете слѣдить за успѣшнымъ ея исполненіемъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, покорнѣйше прошу васъ поручать и лицамъ, которыя будутъ посылаемы вами для обзора учебныхъ заведеній, посѣщать нѣсколько квартиръ учениковъ и сообщать вамъ о результатахъ таковыхъ осмотровъ, представляя затѣмъ эти сообщенія съ вашимъ по нимъ заключеніемъ въ министерство.

Вмѣстѣ съ симъ, считаю нужнымъ вновь обратить ваше вниманіе на необходимость неуклоннаго исполненія указаній, данныхъ мною въ циркулярномъ предложеніи отъ 20 ноября 1882 года и прошу наблюдать за исполненіемъ онаго въ предѣлахъ ввѣреннаго вамъ учебнаго округа.

— **Миссіонерскій факультетъ при Казанской Духовной Академіи.**—«Волжскій Вѣстникъ» сообщаетъ что съ новымъ академическимъ уставомъ, вводимымъ съ 15 августа, Казанская Духовная Академія принимаетъ и новое устройство.

Помимо задачи общей всѣмъ духовнымъ академіямъ, давать высшее богословское образованіе, эта духовная академія будетъ имѣть и свою специальную задачу, приготовлять молодыхъ людей какъ для преподаванія инородческихъ языковъ въ духовныхъ семинаріяхъ, такъ и для практической миссіонерской дѣятельности. Съ этою цѣлью въ Академіи на ряду съ богословскимъ факультетомъ будетъ и миссіонерскій факультетъ, во многомъ расширяющій программу прежде существовавшаго при Казанской Академіи частнаго миссіонерскаго отдѣленія. Миссіонерскій факультетъ, какъ и факультетъ богословскій, будетъ состоять также изъ четырехъ курсовъ. Кромѣ арабскаго и татарскаго языковъ, изучавшихся и прежде при миссіонерскомъ отдѣленіи, теперь вводится еще изученіе монгольскаго, бурятскаго, калмыцкаго, чувашскаго и черемисскаго нарѣчій. Кромѣ языковъ предполагается изученіе этнографіи Татаръ, Киргизовъ, Башкиръ, Чувашъ, Черемисъ, Монголовъ, Бурятъ, Калмыковъ, Остяковъ, Самоѣдовъ, Якутовъ и другихъ инородческихъ племенъ населяющихъ Россію. Какъ особенно интересные предметы этого факультета можно отмѣтить еще исторію магометанства, ламайства и распространенія христіанства между вышеуказанными инородцами Россіи.

— **О пріемѣ евреевъ въ учебныя заведенія.** — На дняхъ начальникомъ учебнаго округа, по словамъ «Кіевлянина», получено циркулярное предложеніе г. министра народнаго просвѣщенія отъ 15-го іюля слѣдующаго содержанія:

По дѣйствующему закону евреи, въ отношеніи избранія мѣста жительства, ограничены въ правахъ сравнительно съ прочимъ населеніемъ и внѣ тѣхъ губерній, которыя указаны въ ст. 16 уст. о паспор. по прод. 1876 г., для постояннаго ихъ жительства селиться имъ дозволяется не иначе, какъ при соблюденіи извѣстныхъ, точно указанныхъ въ законѣ условій. Этимъ же ограниченіямъ подлежатъ и дѣти евреевъ.

Между тѣмъ изъ имѣющихся въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ свѣдѣній усматривается, что дѣти лицъ еврейскаго происхожденія принимаются повсемѣстно въ имперіи въ учебныя заведенія вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія на общихъ основаніяхъ, существующихъ для пріема въ означен-

ныя заведенія лицъ прочихъ исповѣданій, безъ соображенія съ тѣмъ, находятся ли эти заведенія въ мѣстности, входящей въ черту еврейской осѣдлости или нѣтъ. Такой порядокъ представляетъ значительныя неудобства, такъ какъ, съ одной стороны, даетъ еврейскимъ дѣтямъ возможность проживать въ губерніяхъ, гдѣ имъ постоянное жительство воспрещено, а съ другой—служитъ не рѣдко поводомъ къ возбужденію ходатайствъ со стороны родителей и родственниковъ такихъ дѣтей, которыя уже приняты въ указанныя заведенія, о разрѣшеніи имъ совмѣстнаго жительства съ дѣтьми для доставленія имъ средствъ къ окончанію образованія. Въ видахъ устраненія столь не желательныхъ явленій министерство внутреннихъ дѣлъ находитъ необходимымъ пріемъ еврейскихъ дѣтей въ учебныя заведенія, находящіяся внѣ черты еврейской осѣдлости, обусловить представленіемъ ими, вмѣстѣ съ прочими документами, свидѣтельствъ мѣстнаго полицейскаго начальства о томъ, что имъ въ данной мѣстности жить разрѣшается.

Вслѣдствіе сего, за министра внутреннихъ дѣлъ, товарищъ министра, завѣдывающій полиціей, сенаторъ Оржевскій, проситъ сдѣлать соотвѣтствующее распоряженіе.

На основаніи закона (ст. 996) дѣти евреевъ могутъ быть принимаемы и обучаемы безъ всякаго различія отъ другихъ дѣтей въ общихъ каз. учебныхъ заведеніяхъ и частныхъ училищахъ и пансіонахъ тѣхъ мѣстъ, *въ коихъ жительство отцамъ ихъ дозволено,* а по ст. 967 тѣмъ изъ евреевъ, кои, окончивъ гимназическій курсъ, получатъ аттестатъ и пожелаютъ пріобрѣсти высшее образованіе, дозволяется вступать для продолженія наукъ въ университеты, академіи и другія высшія учебныя заведенія по всей имперіи.

Принимая во вниманіе вышеизложенное, г. министръ нанароднаго просвѣщенія проситъ начальниковъ учебныхъ округовъ сдѣлать распоряженіе, чтобы впредь, при пріемѣ учениковъ, начальство учебныхъ заведеній, руководствуясь 996 ст., *принимало еврейскихъ дѣтей не иначе, какъ при условіи представленія ими указанныхъ выше свидѣтельствъ отъ полиціи.*

— По поводу предстоящаго пятидесятилѣтняго юбилея учрежденія православной епархіи въ Вар-

шавѣ, — мѣстный корреспондентъ «Новаго Времени» пишетъ: Пятьдесятъ лѣтъ назадъ, положено твердое начало развитію православія въ Царствѣ Польскомъ. Варшава получила тогда православнаго епископа, въ лицѣ знаменитаго борца за православіе, Антонія (въ послѣдствіи митрополита с.-петербургскаго). Первые зачатки православія появились въ Польшѣ вмѣстѣ съ греками, прибывшими сюда по торговымъ дѣламъ во второй половинѣ XVIII столѣтія. Нуждаясь въ православномъ священникѣ и церкви, нѣкоторые изъ нихъ обратились къ польскому правительству съ просьбою разрѣшить имъ имѣть и то и другое, но послѣднее не хотѣло и слушать объ этомъ, такъ какъ греки были диссиденты; лишь только настоятельныя представленія Россіи подвинули Польшу на уступки, и грекамъ было разрѣшено имѣть домашняго священника, который, однако, долженъ былъ называться торговымъ приказчикомъ; также разрѣшено было имѣть и церкви, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы онѣ ничѣмъ не отличались отъ жидовскихъ школъ (!). Православные были, однако, рады и этому, и въ 1817 году собрали довольно значительную сумму денегъ, на которыя купили мѣсто и домъ и въ немъ устроили церковь св. Троицы, существующую до сихъ поръ. Но собранныхъ денегъ было недостаточно для полнаго устройства храма и тогда, по представленію одного ревнителя православія, императоръ Николай I пожертвовалъ 6,000 рублей на внутреннее устройство церкви. Въ 1825 году греко-россійское духовенство, бывшее до тѣхъ поръ въ зависимости отъ греко-восточнаго синода Буковины, Венгріи и Греціи, было подчинено русскому Св. Синоду, а въ іерархическомъ отношеніи минскому архіерею. Съ этихъ поръ Синодъ уже неусыпно заботился о неокрѣпшей церкви въ Привислянскомъ краѣ, и въ 1834 году призналъ необходимымъ учредить новую епархію — варшавскую, на которую 8 іюля 1834 года и былъ хиротонисованъ преосвященнѣйшій Антоній. Новому дѣятелю въ теченіи 11-лѣтняго управленія епархіею пришлось вынести большую борьбу съ различными кознями мѣстныхъ ксендзовъ, находившихъ тайную поддержку въ Римѣ. Предъ прибытіемъ въ Варшаву преосвященнаго Антонія въ мѣстномъ обществѣ (не только среди ржонда, но и русскихъ) дѣятельно распростра-

нялась брошюра нѣкоего Шмидта, изданная на польскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: Согласіе и несогласіе церквей. Брошюра была снабжена предисловіемъ нѣкоего Сярчинскаго, заключавшимъ въ себѣ массу различныхъ инсинуацій на православную Церковь. Не смотря на всѣ эти неблагопріятныя обстоятельства, преосвященный Антоній твердо шелъ къ намѣченной имъ цѣли, встрѣчая сочувствіе къ своимъ планамъ въ тогдашнемъ начальникѣ края, графѣ Паскевичѣ-Эриванскомъ. Оба они, такъ сказать, дополняли другъ друга, дружно исполняя одно и то же, общее имъ, какъ истинно русскимъ людямъ, дѣло. Преосвященный Антоній во время своего управленія епархіею, до назначенія с.-петербургскимъ митрополитомъ, построилъ нѣсколько церквей въ Варшавѣ и другихъ городахъ, открылъ много православныхъ школъ, добился своимъ вліяніемъ того, что въ частныхъ училищахъ стали преподавать православные учителя и т. д. Съ тѣхъ поръ дѣятельность православной епархіи въ Варшавѣ имѣетъ уже почтенную исторію и число православныхъ приходовъ увеличилось на столько, что потребовалось учрежденіе духовной семинаріи для приготовленія священниковъ. Семинарія открывается съ начала нынѣшняго учебнаго года.

— **Прибытіе въ Кіевъ б. сербскаго митрополита Михаила.**—«Кіевлянину» сообщаютъ, что ко времени празднованія пятидесятилѣтняго юбилея университета св. Владиміра въ Кіевъ прибудетъ бывшій сербскій митрополитъ Михаилъ. По слухамъ, митрополитъ останется на постоянное жительство въ г. Кіевѣ; по прибытіи ему будетъ отведено временное помѣщеніе въ Лаврѣ, въ комнатахъ намѣстника; затѣмъ, въ случаѣ постояннаго его жителвства въ Кіевѣ, помѣщеніе для него предполагается въ Софійскомъ митрополичьемъ домѣ.

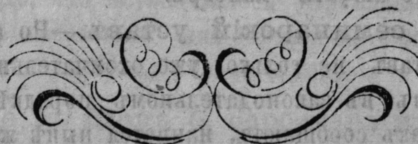
— **Росписаніе смотровъ и маневровъ въ кіевскомъ военномъ округѣ въ присутствіи Великаго Князя Михаила Николаевича.**—8-го августа, въ 5 час. 30 мин. по полудни прибудетъ въ Кіевъ Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Николаевичъ. Его Высочество сопровождаютъ: Великіе Князья *Михаилъ и Георгій Михайловичи*, полковникъ генеральнаго штаба *Бильцъ*, адъю-

танты: полковники *Барановъ* и *Толстой* и лейбъ-медикъ д. с. с. *Альбинеръ*.

Смотры и маневры будутъ производиться по слѣдующему росписанію: Въ г. *Кіевѣ*: 9-го августа утромъ—общій парадъ и смотръ войскамъ, вечеромъ—осмотръ различныхъ учрежденій, работъ въ саперномъ лагерѣ, быть можетъ, заря съ церемоніей; 10-го августа утромъ—подробный смотръ войскамъ и осмотръ учрежденій, вечеромъ—въ артиллерійскомъ паркѣ на Полигонѣ стрѣльба артиллеріи и въ томъ числѣ—ночная стрѣльба; 11-го августа—маневръ всѣмъ войскамъ кіевскаго лагеря. Въ г. *Житомірѣ*: 13-го августа утромъ—парадъ и смотръ войскамъ, вечеромъ—выступленіе на маневръ; 14-го августа—маневръ по дорогѣ на Бердичевъ. Въ *Луцкѣ*: 16-го августа утромъ—парадъ и смотръ войскамъ луцкаго лагеря, вечеромъ—выступленіе на маневръ; 17-го августа—маневръ. Въ м. *Меджибожѣ*: 18-го августа утромъ—парадъ и смотръ войскамъ меджибожскаго лагеря, вечеромъ—выступленіе на маневръ и 19-го августа—маневръ.

— **Новый семинарскій уставъ.**—По слухамъ, новый семинарскій уставъ не только уже окончательно выработанъ, но и утвержденъ въ законодательномъ порядкѣ. Введеніе его въ практику, какъ сообщаютъ, начнется нынѣ же, и именно— та часть его, которая касается административнаго строя семинарій, а также и училищъ, будетъ введена съ 1884—85 учебнаго года, другая же, касающаяся учебной стороны—съ будущаго учебнаго года. По новому уставу, ректоръ и инспекторъ семинаріи будутъ преподавать свящ. Писаніе—первый въ шестомъ классѣ, а послѣдній—въ пятомъ. Помощники инспекторовъ, гдѣ они есть, будутъ вмѣстѣ съ тѣмъ и преподавателями тѣхъ или другихъ предметовъ. Новые языки имѣютъ преподаваться не наемными лицами, а штатными же наставниками семинарій. Изъ предметовъ семинарскаго курса словесность и исторію литературы, преподаваемыя нынѣ въ первыхъ двухъ классахъ, предположено преподавать въ первыхъ четырехъ, преподаваніе логики (въ 3 классѣ)—совершенно отмѣнить, обзоръ философскихъ ученій (въ 4 классѣ)—замѣнить краткою исторіею философіи, при двухъ урокахъ въ недѣлю, число

уроковъ по классическимъ языкамъ — уменьшить. Затѣмъ — уже въ IV классѣ предполагается начать преподаваніе гомилетики съ исторіею проповѣдничества. Изъ богословскихъ наукъ предполагается вновь ввести въ семинарскій курсъ сравнительное богословіе и библейскую исторію. Для лучшаго подготовленія семинаристовъ къ дѣлу народнаго учительства предполагается учредить при семинаріяхъ постоянныя образцовыя школы, гдѣ воспитанники VI класса, подъ руководствомъ наставника педагогики, будутъ имѣть ежедневныя практическія занятія съ мальчиками по обученію ихъ грамотѣ и другимъ предметамъ, преподаваемымъ въ народныхъ школахъ.

СОДЕРЖАНІЕ. Историческая записка о Дубенской Крестовоздвиженской пустыни. Лѣтопись текущихъ событій.

№ 22 Вол. Еп. Вѣд. сданъ на почту 1-го Августа 1884 г.

Редакторъ *П. Бѣляевъ.*

Дозволено цензурою. Кременецъ. 1 Августа 1884 года.

Печатается въ Типографіи Почаевской Лавры.